

О. Т. Богомолов¹

В ДИАЛОГЕ НУЖНЫ НАДЕЖНЫЕ КРИТЕРИИ ДЛЯ СРАВНЕНИЙ²

Граждане думают, что мы лжем и приводим неправильные показатели.
И они имеют основания так думать.

Президент Франции Николя Саркози

То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем.
Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты...

Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц

Диалог цивилизаций, развитию и обогащению которого многие годы способствуют Лихачевские чтения, предполагает обмен опытом общественного развития различных стран, информацией о достижениях в экономике, государственном устройстве, культуре. Международные сравнения результатов социально-экономического развития становятся все более востребованными. Они приобретают особую актуальность в свете взаимодействия и соревнования культур и ци-

¹ Академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН. Избирался в 1989 г. депутатом Съезда народных депутатов СССР и в 1993 г. — Государственной Думы РФ. Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР). Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени.

² Автор благодарит доктора экономических наук Василия Михайловича Симчере за помощь в сборе информации и консультации по вопросам статистики.

визаций. Те, кто в таком соревновании добивается лучших результатов, пользуются большим международным авторитетом и влиянием. Моральный и интеллектуальный авторитет ведущих наций становится в наши дни важнейшим фактором мира и прогресса на нашей планете.

Меня, как экономиста, особо заботит достоверность информации, которой мы пользуемся в международных сравнениях. Мы знаем по горькому опыту авиации, чем грозит воздушным судам отказ или неисправность приборов навигации. Но не менее серьезные и более масштабные последствия могут вызвать неверные экономические индикаторы, потому что ими руководствуются правительства, принимая ответственные решения. Они формируют общественное мнение. Ошибки в экономической политике, проистекающие из неверных, а то и сознательно сфальсифицированных статистических индикаторов, обходятся, как известно, особенно дорого. Более того, они дезориентируют население и подрывают его доверие к власти, вредят взаимопониманию народов. Расхождение статистических отчетов с реальностью повседневной жизни становится тогда источником конфликтов и недоразумений.

И неслучайно президент Франции призвал двух лауреатов Нобелевской премии — Джозефа Стиглицца и Амартия Сена — вместе с французскими статистиками разобраться в адекватности применяемых статистических индикаторов. Специалисты пришли к выводу, что многие показатели нельзя считать репрезентативными, и высказались за расширение и совершенствование набора индикаторов экономического развития. В первую очередь это относится к чаще всего используемому в официальных заявлениях и СМИ показателю объема и динамики валового внутреннего продукта (ВВП). С помощью этого наиболее обобщающего индикатора принято судить как о спаде, так и о подъеме в экономическом развитии стран. Глобальный кризис и усилия по его преодолению придали достоверности статистического измерения экономических процессов особую актуальность.

Прежде всего важно учитывать особенности показателя ВВП. Он измеряет *вновь созданную за год стоимость* товаров и услуг плюс сумму приходящихся в год амортизационных начислений. Поэтому в нем не учтена стоимость так называемого «промежуточного продукта», то есть того, что было произведено ранее и вошло в цену товаров и услуг, созданных в предыдущие годы. Между тем многие понимают ВВП как денежную оценку всех товаров и услуг, произведенных в отчетный период. К примеру, строительство моста занимает несколько лет. Ежегодные затраты на его сооружение (труд, материалы, оплата транспортных и других услуг) отражаются в ВВП соответствующего года. Поэтому после открытия моста в ВВП войдет не вся его стоимость, а лишь соответствующая годовая часть. Если в магазинах продан хлеб из прошлогодней муки, то в ВВП отразятся только затраты по его выпечке, а не вся стоимость хлеба. Словом, данный показатель обладает некой условностью, являясь своего рода виртуальной величиной. Он не измеряет стоимостный объем всей произведенной в стране товарной продукции и услуг, а поэтому не всегда дает адекватное представление о состоянии экономики. Как и в барометре стрелка порой показывает «ясно», а на дворе — дождь.

В качестве показателя масштабов и динамики экономического развития ВВП имеет существенные недостатки, о которых не следует забывать. Начнем с того, что в российском ВВП 60 % занимают услуги, к которым относятся не только транспорт, связь, банковская деятельность, оптовая и розничная торговля, но и образование, наука, здравоохранение, весь государственный аппарат, вооруженные силы и др. Не все услуги, учитываемые ВВП, входят в понятие «*реальный сектор экономики*». Оно все чаще упоминается в экономической литературе, хотя еще не выработано согласованного определения его содержания и количественного измерения.

Главный смысл этого термина состоит в том, чтобы выделить производство *вещественных благ и тех услуг, без которых страна и люди не могут обойтись и которые увеличивают реальное богатство страны, ее безопасность и благосостояние народа*. Некоторые услуги, отражаемые в ВВП, связаны не с приращени-

ем, а скорее с вычетом из необходимых обществу материальных благ. Например, реклама, навязывающая потребителям ненужные или некачественные товары и услуги. То же можно сказать об искусственных посредниках между производителем и конечным покупателем продукции, поднимающих цены, а стало быть, и объем ВВП. В него вносит вклад и миллионная армия частных охранников — продукт больного, криминализованного российского общества, в котором правовая и правоохранительная системы не выполняют надлежащим образом свои функции, а общественная мораль находится в глубоком упадке. В этих условиях рост управленческой бюрократии и правоохранительных служб, тюрем и исправительных учреждений, учитываемый статистикой как приращение ВВП, будет с точки зрения реального сектора экономики растратой создаваемых им благ.

Спекулятивные операции на биржах и в банковском секторе также создают ВВП. Но народ страны от этого не становится богаче, а экономика — сильнее. Словом, между ростом ВВП и показателями обновления основных фондов, улучшения занятости, демографическими показателями рождаемости и смертности, здоровья населения, пенсионного обеспечения, повышения жизненного уровня основной массы населения, снижения инфляции, подъема культуры, науки, образования, сокращения преступности и коррупции могут быть существенные расхождения. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором наличия кризиса или оживления экономики. Если между динамикой и объемом ВВП и *реального сектора экономики* существуют расхождения, то возникает необходимость не ограничиваться в оценке итогов хозяйственной деятельности единственным показателем ВВП, а дополнять его другими важными индикаторами. Президент Словении Данило Тюрк считает, что в фокусе понимания и измерения экономического развития должно находиться «не столько производство, сколько процветание в широком смысле слова <...> Соответствующие инструменты необходимо разработать, чтобы измерять прогресс, процветание и развитие»¹. И в частности, нам нужен надежный показатель состояния реального сектора экономики. Ясного понимания его необходимости, к сожалению, еще нет. Видимо, поэтому Росстат не исчисляет его объем и динамику. В этом отношении и наука остается в долгу перед практикой. Но и власти не торопятся поставить перед ней такую задачу. Официальные данные, особенно касающиеся инфляции, доходов населения, безработицы, масштабов бедности, утечки капиталов и умов, демографии, физического и психического здоровья населения, коррупции и преступности, во многих случаях оказываются ненадежными, неадекватными реальности и потому затрудняют принятие действенных решений по улучшению положения дел.

Ограниченная репрезентативность российского ВВП объясняется и другими его изъянами. Так, для определения темпов его роста за несколько лет сравнения должны производиться в неизменных ценах,

¹ The Time of Changes. URL: <http://www.up-rs/eng>

то есть с поправкой на инфляционный рост цен. Официальной статистикой используется для этого дефлятор (поправка на рост текущих цен по сравнению с базисными). Однако его величина вызывает вопросы. Так, в 2010 году Росстат применял для приведения объема ВВП в текущих ценах к сопоставимым ценам 2009 года дефлятор в 10,3 %, тогда как цены производителей в промышленности выросли за год на 16,7 %, производителей в сельском хозяйстве — на 23,6 %, в сфере услуг — на 33,1 %. Без владения секретами магии такое сведение секторальных индексов к обобщающему дефлятору по всему народному хозяйству едва ли возможно. Но 2010 год не исключение, а привычная практика.

В 2011 году для предварительных официальных оценок динамики ВВП использовался дефлятор 15,4 %. ВВП за 2010 год в текущих ценах был оценен в 44,5 трлн руб., а за 2011 год — в 54,4 трлн руб. В неизменных ценах его прирост за год составил, как официально сообщалось, 4,3 %. Но при использовании дефлятора в 15,4 % (54,4 трлн руб. делим на 115,4 %) получаем ВВП 2011 года равным 47,1 трлн руб., что означает годовой прирост ВВП на 5,84 % ($47,1 : 44,5 = 105,84$ %). Однако по своей скромности мы объявили прирост в 4,3 %. Загвоздка в том, что такому приросту отвечает использование дефлятора не в 15,4 %, а в 25,3 %. И, видимо, эта цифра ближе к истинной величине инфляции. Возникает явная нестыковка показателей, поскольку дефлятор, представляющий поправку на рост цен на все произведенные товары и услуги, взаимосвязан с изменением потребительских цен. Рост последних, по официальным данным, составил в России в 2011 году 8,4 %. Такой отрыв (в три раза) этого показателя от дефлятора может быть лишь продуктом чистой магии. Видимо, имеет место сознательное занижение как общей, так и потребительской инфляции, а стало быть, и завышение темпов увеличения ВВП. В странах Запада разрыв между показателем потребительской инфляции и дефлятором ВВП обычно незначителен. Так, в 2011 году в США дефлятор ВВП составлял 2,1 %, а рост потребительских цен — 3,0 %, то есть на 43 % выше. В развитых странах, за исключением США, Евросоюза, Японии, оба индикатора в 2011 году совпали — 3,5 %¹.

Очевидно, что приводимые официальной российской статистикой соответствующие индексы исчисляются с большими погрешностями. Много зависит от того, какой набор товаров и услуг и какой удельный вес в этом наборе отдельных видов благ принимаются за основу исчисления. Любой волонтаризм и произвол в этом деле способны исказить величину дефлятора и потребительской инфляции в желаемую сторону. Заниженный дефлятор и индекс потребительских цен завышает темп прироста ВВП. Учитывая социальное и политическое значение показателей динамики ВВП, их определение должно быть делом прозрачным, требующим участия крупнейших ученых и независимых экспертов.

В статистику ВВП приходится вносить поправки, связанные также с тем, что не все виды деятельности,

создающие реальные блага и, стало быть, увеличивающие ВВП, поддаются регистрации и учету. Ускользает от учета теневая экономика, достигающая в России, по разного рода оценкам, от 20 до 40 % ВВП. Сюда входит и зарплата, выплачиваемая не по бухгалтерской ведомости, а в конвертах. По некоторым оценкам, доля «серой» зарплаты может достигать 40 % всей оплаты труда. Трудно, а порой и просто невозможно оценить продукцию, полученную от приусадебных и домашних хозяйств, дачных садов и огородов, частных, неорганизованных строителей, ремесленников, ремонтников, торговцев (в том числе челноков) и других работников разных профессий, имеющих дополнительный и даже основной заработок, который не регистрируется налоговыми и иными службами. Объем этой небольшой добавленной стоимости официальная статистика приплюсовывает к ВВП в размере около 20 %. Но это весьма произвольная оценка, не опирающаяся на серьезные научные разработки, социологические опросы и выборочные проверки. Не исключено, что она занижает долю теневого продукта, в том числе подпольного производства, а следовательно, и величину ВВП.

Отдельную проблему представляет двойной счет налога на сумму добавленной стоимости (НДС), что искусственно увеличивает размер ВВП. НДС включается производителем в цену реализуемых товаров и услуг и декларируется наряду с зарплатой и прибылью как созданная добавленная стоимость. Но затем при сделке продажи товара или услуги вновь удерживается НДС с цены сделки, что рождает двойной учет этого налога в ВВП, завышая его на 2–3 процентных пункта. Правильно ли это? К завышению приводит и распространенная криминальная практика фиктивных экспортных сделок, по которым уплачивается НДС, а затем, несмотря на отсутствие фактической поставки, по требованию поставщика НДС ему возвращается. Не отличается достоверностью и учет амортизационных отчислений в составе ВВП. В интересах ускоренной самоокупаемости основных фондов они завышаются и в виде дополнительного налога перекладываются на плечи потребителей.

В то же время немалая часть созданного ВВП утрачивается из-за значительных потерь произведенной продукции и услуг, обусловленных бесхозяйственностью, бедствиями, контрабандным экспортом, вывозом капитала, отсталой технологией и т. д. По расчетам доктора экономических наук В. М. Симчеры, объем народно-хозяйственных потерь в 2010 году мог составлять около половины ВВП, или в пересчете по паритету покупательной способности около 1250 млрд долл. Это не столь уж спорная оценка, если учесть, что на создание 1000 долл. ВВП Россия затрачивает энергоресурсов в 8–10 раз больше, чем передовые страны Запада. Подобная картина наблюдается и в использовании металла, древесины и т. д. Легальный и нелегальный вывоз капитала из России в 2011 году составил не менее 80 млрд долл., а за 20 лет рыночного реформирования бегство капитала из России, по разным оценкам, достигло 1–2 трлн долл. Приходится удивляться, как страна выдержала такое кровопускание.

¹ World Economic Outlook. 2011. September. P. 186.

Однако чтобы взять такого рода потери под государственный контроль и пресечь, необходимо начинать с налаживания продуманной системы статистики вывоза капитала по всем возможным каналам, включающей экспертные оценки ускользающего от официального учета бегства капитала. Только тогда страна будет в состоянии оценить реальный вычет из создаваемого ВВП. Сегодня мы сталкиваемся с различающимися между собой (иногда в разы) оценками утечки капитала и умов, отсутствием надежной статистики связанного с этим экономического ущерба. Естественно, что российскую влиятельную компрадорскую буржуазию, сомкнувшуюся с властью, это устраивает. Так легче уходить от налогов, сохранять и укрывать награбленное не только на своих счетах в зарубежных банках, но и вложения в футбольные клубы, яхты, дворцы, замки, виллы, отели и рестораны, городские дома и квартиры в Лондоне, Нью-Йорке и других привлекательных местах. Но России и ее населению, на которых ложатся тяготы кризиса и рыночных реформ, такая практика безразлична. Советский слоган «Социализм — это учет» нами забыт, хотя в цивилизованном рыночном хозяйстве строгий бухгалтерский и статистический учет, а также независимый и добросовестный аудит остаются ключевыми требованиями и важнейшим устойчивым функционирования экономики.

Особого разговора заслуживают показатели инфляции как на российском потребительском рынке, так и на рынке оптовой торговли и недвижимости, а также ценных бумаг, кредитных и других заимствований. Естественно, что точность этих индикаторов отражается и на репрезентативности ВВП. Потребительская инфляция — крайне чувствительный для населения процесс. Публикуемые показатели роста потребительских цен сильно расходятся с реальностью, что воспринимается населением как сознательное искажение истинного социально-экономического положения в стране. Можно понять заинтересованность правительства в более благоприятных итогах, как и желание иметь «управляемую» статистическую службу. Ради этого ее подчинили Минэкономразвитию. Но для успешной управленческой деятельности на всех уровнях нужна объективная статистика, независимая от указаний сверху. Она также необходима населению, которое хочет знать правду, чтобы доверять своим руководителям. Пока такая независимость в российских условиях труднодостижима. Об этом свидетельствует опыт работы формально независимой Счетной палаты РФ, доклад которой по итогам приватизации так и не был — ввиду его остроты — обсужден на заседании Государственной Думы. Вскрытые грубые нарушения были оставлены без последствий.

Потери населения от инфляции, которая представляет собой скрытый налог на потребление, если и компенсируются государством, то частично. К тому же независимые научные исследования, исходящие из удорожания корзины товаров и услуг, потребляемых в среднем бедными и низкодходными слоями населения, свидетельствуют о ежегодной инфляции за последние 5–7 лет в 20–25 %. Тогда как официальный индекс потребительской инфляции, исчисляемый и для бедных,

и для богатых, вместе взятых, по принципу средней температуры в больнице, определялся в последние годы на уровне 7–10 %. Словом, население вправе потребовать достоверных данных, основанных на прозрачной научной методологии и подтвержденных независимыми общественными экспертами.

Нет нужды доказывать социальную значимость таких индикаторов, как прожиточный минимум, средний доход и средняя заработная плата, минимальная часовая зарплата, порог бедности, децильные коэффициенты имущественного расслоения, оценок знаний, способностей, квалификации, опыта, наконец производительности, размеров вознаграждения и качества продукции, в качестве главных характеристик и движущих сил современного прогресса. Но именно в этой области наблюдается самое значительное отставание государственной статистики и статистической науки.

Согласно экономической теории зарплата и социальные трансферты из государственных бюджетов должны обеспечивать нормальное воспроизводство «рабочей силы» — людей трудоспособного возраста. Разумеется, с учетом квалификации, сложности, интенсивности труда, влияния его на здоровье. Это предполагает удовлетворение не только самых насущных потребностей в питании, одежде, жилье, но и возможность пользоваться благами культуры, иметь необходимое медицинское обслуживание и нормальный отдых. Кроме того, воспроизводство рабочей силы, а тем более ее совершенствование требуют покрытия затрат на получение информации и новых знаний, социальную интеграцию, содержание семьи, обучение и воспитание детей. Разумеется, воспроизводственные издержки рабочей силы будут различаться в отдельных странах с учетом уровня их экономического развития, вековых традиций и обычаев, климатических условий и т. д. Но в любом случае если расходы, связанные с воспроизводством рабочей силы, не покрываются (хотя бы на минимально допустимом уровне) заработной платой и доходами, то трудовому и интеллектуальному потенциалу страны грозит деградация.

К сожалению, устанавливаемые государством ориентиры и стандарты, в особенности размер прожиточного минимума, произвольны и далеки от оптимальных с точки зрения науки параметров. Такой важный критерий, как минимальная часовая заработная плата, вообще не применяется. Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ), рассчитывающий восстановительный минимальный потребительский бюджет, считает, что в третьем квартале 2011 года он был в 2,6 раза выше прожиточного минимума и составлял 16,5 тыс. руб.¹, а потребительский бюджет среднего достатка — в 6,7 раза выше. Думается, что эти цифры в результате более обстоятельных статистических исследований могут быть серьезно скорректированы.

У нас имеет место огромная недооценка труда основной массы тружеников, не говоря уже о порой совершенно искаженных соотношениях в оплате сложного, квалифицированного труда и труда невысокой сложности и квалификации. К примеру, производи-

¹ Уровень жизни населения регионов России : журнал ВЦУЖ. 2011. Окт. С. 51.

тельность труда, измеряемая величиной ВВП на один отработанный час, в России уступает Италии примерно в 4 раза, а часовая зарплата — почти в 10 раз. Показательно, что в структуре российского ВВП на зарплату приходится около 33 %, на прибыль и доходы на капитал — 31 %, а на налоги — 36 %, тогда как в развитых странах Запада доля зарплаты в ВВП достигает 60 %. Из-за отсутствия надежной методологии статистических сравнений приведенные цифры могут оказаться еще менее благоприятными для оценки того, как оплачивается труд в России.

Если средняя величина заработной платы в разных рыночных системах различается в зависимости от уровня их развития, то пропорции в оплате труда разной сложности, квалификации и интенсивности достаточно схожи. Вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, педагога, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника, офицера или менеджера. В России эти соотношения могут быть обратными и сильно расходятся с мировой практикой. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых. Это приводит к губительным последствиям, создает раскол и напряжение в обществе, питает коррупцию и отрицательно сказывается на производительности труда. Кроме того, это затрагивает присущее людям чувство социальной справедливости.

Между тем Всемирный банк в своем докладе «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям... Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным и упускаются возможности для инноваций и инвестиций»¹. Это подтверждает российская действительность. В результате кризиса производство и потребление в России сократились значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, но зато число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Forbes», выросло на 70 %. По их числу мы уступаем только США и Китаю.

Особенно тревожным по своим социально-политическим и экономическим последствиям для российского общества является увеличивающийся разрыв в доходах между бедными и богатыми. И опять-таки официальная статистика пытается скрасить реальное положение дел, приводя явно заниженные показатели социального расслоения населения и масштабы бедности. Согласно ее данным, средний доход бедной 10-процентной части населения в 15 раз меньше среднего дохода 10 % богатых. Но исследования, проведенные в рамках Российской академии наук, показывают,

¹ Доклад Всемирного банка о мировом развитии—2006 «Социальная справедливость и развитие». С. 2.

что этот разрыв составляет не менее 30 раз, а в Москве — даже 50, тогда как в ЕС — 7–10 раз, в США — около 15. Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и непринятие необходимых мер по его снижению имеют негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ, проделанный специалистами, показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007 годах могли бы возрасти на 30–50 %, а при годовом росте реальных доходов *основной массы населения* (подчеркиваем: не всего населения, а именно основной его массы) на 10 % удалось бы преодолеть процесс депопуляции.

Заниженные пенсионные выплаты и социальные пособия, которые едва покрывают коммунальные платежи и расходы на лекарства бедного населения, воспринимаются им как проявление вызывающей социальной несправедливости, как незаслуженная недооценка их вклада за прожитую жизнь в приращение национального богатства. Такая перспектива выхода на пенсию едва ли способна вдохновить нынешнее активное население России на добросовестный, инициативный и напряженный труд.

Для исправления положения нужны отказ от плоской шкалы налогообложения и переход к прогрессивной шкале, а также другие различные меры поддержки малоимущих. В США они позволяют снизить неравенство между крайними 10-процентными группами населения до 15 раз, а без этих мер оно составляло бы 68 раз. Если бы американское государство отменило, как сделали мы, прогрессивное налогообложение доходов граждан, страну постиг бы коллапс.

Очевидная истина заключается в том, что у нас нет надежной государственной статистики, а тем более основанного на ней серьезного социально-экономического анализа уровня жизни населения и социального расслоения общества. Это следует сказать и об экономической статистике в целом. Государственный корабль в бурных водах внутреннего и глобального кризисов лишен надежных навигационных приборов, без которых трудно выбрать правильный курс. Их срочно нужно приводить в порядок. В дореволюционном прошлом, да и в советский период экономическая статистика имела хорошую репутацию и была представлена крупнейшими учеными. Среди них можно назвать академиков С. Г. Струмилина (1877–1974), В. С. Немчинова (1894–1964), члена-корреспондента АН СССР В. Н. Старовского. Славные традиции общегосударственной и местной российской статистики необходимо возродить. Преобразовать и модернизировать Россию в условиях отсутствия достоверных статистических показателей или их искажения и подтасовывания не удастся. Ее обновление связано с честной реалистичной оценкой ситуации, правдивой и доступной народу информацией о положении дел в экономике и социальной сфере. А это влечет за собой необходимую государственную поддержку развития статистической науки и тесную связь реформируемой статистической службы с наукой.